

КОНЦЕПТЫ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

О. В. Попов

Краснодарское Высшее военное авиационное училище летчиков

В статье рассматриваются некоторые особенности в понимании концепта “страсть” в испанском языковом сознании. Являясь калейдоскопическим, этот концепт по-разному воспринимается носителями испанского и русского языков. Испанское языковое сознание сосредоточивается на его пассивном, бездеятельном аспекте, фиксируемом в толковых словарях. Автор доказывает это, основываясь на контекстуальных употреблениях концепта “страсть” в романе К. Х. Селы “Мазурка для двух покойников”.

Чувства, эмоции, движения или же волнения души суть обозначения разнообразных психических феноменов. В повседневном словоупотреблении мы говорим о чувстве голода, жажды, боли; приятного и неприятного; усталости, болезни и здоровья; любви и ненависти, радости и печали; нам знакомы чувство ужаса, стыда, страха, восторга, сострадания, отчаяния и блаженства и т.д. Чувства охватывают, таким образом, широкий спектр явлений, различающихся по длительности и интенсивности, уровню, характеру и содержанию (от кратковременного аффекта до продолжительной страсти, от поверхностной эмоции до глубокого и устойчивого чувства и т.д.) и находящиеся в сложных взаимоотношениях между собой.

Таким образом, в сознании человека существуют индивидуальные концепты эмоций, однако есть концепты коллективные, общие для определенной группы, семьи и национальные, зафиксированные в языке того или иного народа. Все они, тем не менее, являются подуровнями общечеловеческих представлений об ужасе, стыде, любви и т.п. в силу нашей общей принадлежности к человеческому роду.

Наиболее общую картину национальных представлений о чувствах фиксируют толковые словари. Разумеется, следует отметить сразу, что толковые словари неизбежно несут в себе отпечаток личности составителей, их лингвистические и философские взгляды, идеологические установки, персональные предпочтения, что проявляется отнюдь не только в приведении примеров словоупотреблений, но и в толковании различных предметов, процессов или явлений. Достаточно просмотреть разницу в толкованиях

советских идеологом в разных изданиях словаря русского языка под редакцией Ожегова, а впоследствии, Ожегова и Шведовой.

И все же словари дают определенно универсальный характер объяснений, не противоречащий структуре языка и отражающий концептосферу не только составителей, но и всех остальных носителей языка. Рассмотрим теперь, каким образом некоторые наиболее общие концепты эмоций выражаются в русском, испанском и английском языках.

СКУКА

Лексема «скука» представлена в русском языке семемами «томление от отсутствия дела или интереса» и «отсутствие веселья, занимательности». В испанском языке «*aburrimiento*» включает в себя семемы «утомление», «досада», «усталость». В английском же сосуществуют две эквивалентные лексемы «*tedium*» и «*boredom*», соответственно прямое латинское заимствование и слово германского происхождения. Оба слова равным образом включают в себя семемы: «то, что причиняет усталость» («*causing tiredness*») и «неинтересное» («*not interesting*»).

Как видим, общим для всех языков является представление о «скуке» как об «усталости», «утомлении». Тем не менее, в русском и английском языке не представлена семема «досада», как в испанском, и в испанском же отсутствует представление о «скуке» как об «отсутствии интереса».

РАДОСТЬ

Лексема «радость» в русском языковом сознании выражается как «веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения», «то, что (тот, кто) вызывает это чувство» и «радостное, счастливое событие». Если русский человек чему-

то рад, то он *вне себя от радости*. Однако определенные коннотаты «радости» могут нести деспективную, неодобрительную нагрузку: С какой радости? = *Чего ради? Почему?*

Испанская лексема «alegría» включает в себя «довольство», «радость», «ликование души, выражающееся во внешних признаках», она находится в одном семантическом поле с такими концептами как *dicha, felicidad, contento, gozo, placer, satisfacción, euforia, entusiasmo, jovialidad, hilaridad, buen humor, optimismo, rezo, agrado, júbilo, regocijo, alborozo, albricias*.

В английском языке «радости» соответствуют «joy» и «gladness», различающиеся степенью аффективности. Английское «joy» выражает «deep pleasure» («глубокое удовольствие») и «great gladness» («большую радость»); как и в русском, присутствует семема «то, что (тот, кто) вызывает это чувство»: *the joys and sorrows of life*. Английский язык более сух и сдержан в проявлении радости, чем испанский или русский, испанский концепт «радости» несет выражение внешних признаков, «радость» по-русски выводит человека вне себя, вне пределов собственного тела, это радость вселенская, неуёмная, в то же время такая беспредельность зачастую оценивается негативно: *Чего это ты такой радостный?*

ЛЮБОВЬ

Любовь, как одно из важнейших человеческих чувств, является одновременно (или соответственно, если угодно) одним из самых «анатомируемых» понятий. Достаточно указать, что в греческом языке с античных времен существует множество ее разновидностей, «модификаций», утраченных или нереализованных современными европейскими языками (но не самими греками!): «έρως» (великая, универсальная любовь), «αγάπη» (любовь к представителю противоположного

пола), «στοργή» (супружеская и материнская/отцовская любовь к детям), «μανία» (болезненная любовь—подчинение), «φιλία» (любовь—дружба, гомосексуальное влечение).

Русская лексема «любовь» составлена из семем: «чувство самоотверженной и глубокой привязанности, сердечного влечения» и «склонность, пристрастие к чему-либо», к музыке или искусству, например. Также употребительно слово «любовь» в обозначении ее объекта: *Этот человек ее первая любовь* = первый возлюбленный.

Первичным денотатом «любви» испанские словари называют «чувство, сообразно которому душа ищет блага и жаждет наслаждаться им», выделяется универсальный характер концепта. Значение Д₂ укладывается в понимание роли любви между полами: «страсть или большое чувство, которое один человек испытывает к другому», при этом подчеркивается, что «так же говорится и по отношению к животным». Дополнительные оттенки концепта выражают такие его признаки как «мягкость, нежность» и «тщательность и наслаждение в труде». Как и в русском языке «любовь» является номинацией объекта и выражает (во множественном числе) любовные отношения.

В английском языке «love» — прежде всего «теплое, доброе чувство, глубокая привязанность, нежное поклонение», при этом все указанные выше греческие разновидности чувств выражаются одной лексемой: *a mother's love for children; a love of adventure; a love of (one's) country, patriotism; show love towards one's neighbours*. Другая семема уже актуализирует межполовой характер влечения: «сильное, доброе чувство между лицами противоположного пола, половая страсть или желание, предмет ее». «Love» в английском языке постепенно смещается в сторону своей плотской материализации, так выражение «make

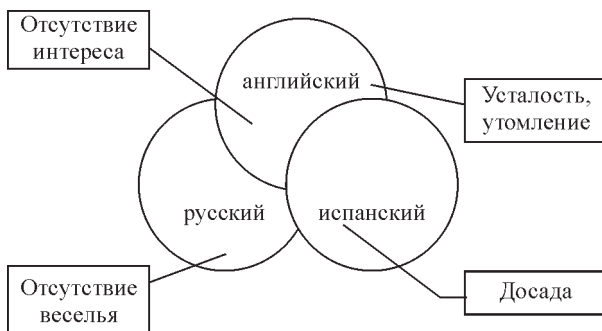

Рис. 1.

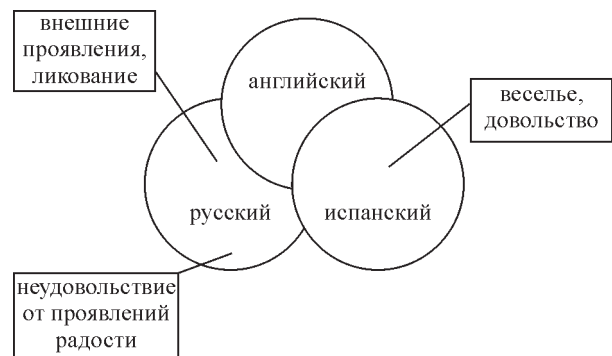

Рис. 2.

love» до эпохи появления хиппи означало «выка- зывать знаки внимания, проявлять любовь, забо- ту» в настоящее время это понятие означает «совершать половой акт»: *Make love, not war!* «Полюбовный», дружеский характер отношений, содержащихся в данном концепте, выразился в том, что одно из коннотативных значений «love» употребляется в спортивной (в частности, тен- нисной) терминологии в значении «ровно» (на тайбреке): *Love all!*

СОСТРАДАНИЕ

«Сострадание» в русском языке представляет собой «жалость, сочувствие, вызываемые чьим-нибудь несчастьем, горем»; в испанском — это либо «сожаление, которое вызывают чужие трудности и беды», либо «движение души, которое делает нас чувствительными к чужой беде», — толкования по разным словарям выражают, тем не менее, близкие друг другу и русскому словарю понятия. В англий- ском языке «сострадание» это не только «жалость», но и «чувство к страданиям других людей, толка- ющее к помощи им»: *prompting one to give help*. Здесь мы отмечаем деятельный, активный характер сострадания в английском языковом сознании.

ОТЧАЯНИЕ

Во всех исследуемых языках «отчаяние» трактуется приблизительно как «состояние крайней безнадежности, ощущение безвыходности». Одна- ко если английская семема этим и ограничивается, то в испанском языке возникает такая неожиданная дополнительная семема как «гнев, раздражение». Еще более развиты такие дополнительные аспекты в русском языке: от «отчаяния» русские совершают *отчаянные поступки*, то есть «смелые до безрас- судности»; оказывают *отчаянное сопротивление*,

иными словами, «очень сильное»; *отчаянный спорщик* вовсе не ощущает безысходности, напро- тив, его ничем не переубедить; наконец, *отчаянное поведение* юного сорванца происходит не в резуль- тате крайней безнадежности, это просто очень плохое, безобразное поведение.

ВОСТОРГ, ВОСХИЩЕНИЕ

Испанской лексеме греческого происхождения «*entusiasmo*» соответствуют в русском языке «вос- торг», «восхищение», «энтузиазм», а в английс- ком — «*enthusiasm*» и «*delight*». Греческий предок *ἔνθουσιασμός* (восторг, энтузиазм) от глаголов *ἔνθουσιάζω* и *ἔνθουσιάζομαι* (восхищать и вос- хищаться) несет еще и семему «вдохновение», частично сохраненную в испанском языке.

В русском языке «восторг» — «подъем радост- ных чувств, восхищение», а «восхищение» — «вы- сшее удовлетворение, восторг». В испанском — «чрезвычайное состояние души»: *acoger con entu- siasmo* — *принять с восторгом*. Фигурально выра- жаясь (помета словаря), это «огромное восхищение» (*gran admiración*). Католицизм накладывает свое влияние в семеме «восторженное состояние, вызван- ное божественным вдохновением», в словаре Аристо- са — это вообще «божественное вдохновение проро- ков» (*inspiración divina de los profetas*), данное значе- ние дано первым в статье. Помимо прочего отмеча- ем семему «возвышенное вдохновение поэта, худож- ника», возводимое к греческому первоисточнику.

В английском языке «*enthusiasm*» — *strong feel- ing of admiration or interest* (сильное чувство вос- хищения или интереса!), а «*delight*» — *great plea- sure; joy* (большое удовольствие, радость). Иными словами, восторг и восхищение могут быть сведе- ны к сильной заинтересованности, недаром *a sports enthusiast* — всего лишь *поклонник спорта*.

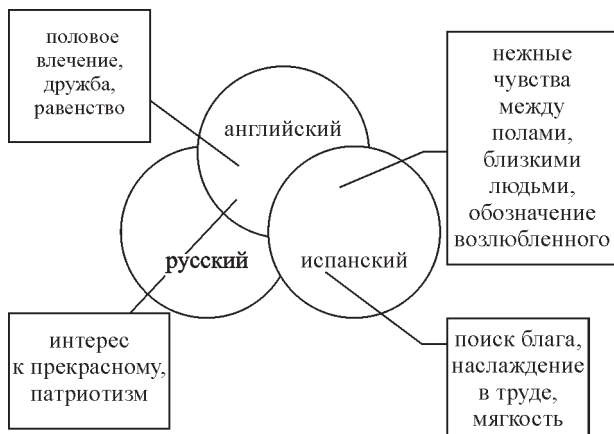

Рис. 3.

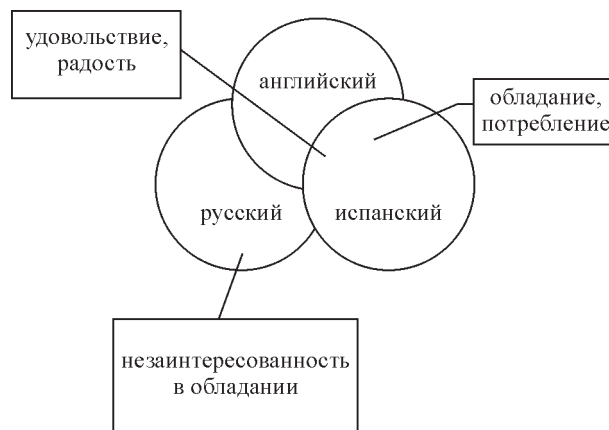

Рис. 4.

НАСЛАЖДЕНИЕ

Анализ концепта «наслаждение» показывает (почти по И. Канту: «незаинтересованное удовольствие») его ненаправленность на объект в русском языковом сознании. Основная семема выражается как «высшая степень удовольствия». *Наслаждаться* можно музыкой, искусством.

Испанский концепт выражает «движение души, наслаждающейся обладанием или надеждой на обладание приятными и ласкающими взор предметами» (*movimiento del ánimo que se complace en la posesión o esperanza de cosas halagüeñas y apetecibles*), «удовольствие, наслаждение, восторг, радость»; как специфический вид клерикальной поэзии «*los gozos*» являются поэтическими сочинениями во славу Девы Марии или святых.

В английском языке «наслаждение» понимается, во-первых, как *pleasure, joy, satisfaction* (удовольствие, радость, удовлетворение), во-вторых, как *possession and use* (обладание и использование): *be in the enjoyment of good health* (обладать хорошим здоровьем). Англичане вообще склонны *наслаждаться* (enjoy) здоровьем, климатом, обедом и собой: *Enjoy yourself!* = Развлекайтесь!

Итак, «наслаждение» по-английски и по-испански носит отчетливо выраженный «заинтересованный» характер, а в испанском прямо связывается с обладанием вещью. Сема заинтересованность/незаинтересованность оказывается дистрибутивной для исследуемых языков, совершенно невозможно представить себе даже крайне экзальтированного русского, который *наслаждается* своей машиной, телевизором или женой. Соблазнительно отметить, что упомянутая английская семема «*satisfaction*» происходит от латинского *satis facere*, то есть *насыщать, делать сытым*.

СТРАХ, УЖАС

Эти сильные негативные эмоции, различаются между собой, в основном, степенью проявления. Казалось бы, страх и ужас, как вечные спутники Марса Фобос и Деймос (они, кстати, так и переводятся на русский язык), — неотъемлемые и универсальные признаки человеческой психики, человеческого бытия. Однако реализация этих концептов в национальных языковых картинах мира весьма различна.

Английская лексема «страх» связана с «близостью или возможностью опасности или злодеяния (danger or evil)»: *alarm for fear of*, «беспокойством»: *She asked us not to be noisy, for fear of waking the baby*. Второе значение: «тоска по безопасности»

(*anxiety for the safety*). «Ужас» определяется как «(нечто, что вызывает) чувство крайнего страха или неудовольствия» — (*something that causes feeling of extreme fear or dislike*). Неожиданным является такой коннотат «страха» как «подобие, вероятность» (*likelihood*): *There's no much fear of my losing the money*. — Вряд ли я потеряю деньги.

В испанском языке «страх» — «чувство беспокойства, вызванное опасностью», а в зону концепта вводятся такие понятия как *temor, tener, aprensión, emoción, inquietud, vergüenza, timidez, confusión, angustia, ansia, espanto, pavor, horror, terror, pánico, alarma; dar miedo, espantar, asustar, sobrecoger, aterrar, petrificar, terrible, terrorismo; amedrentar, despavorir, inquietar; espantajo, ogro, bu; estremecerse, temblar, temblor, carne de gallina; miedoso, tímido, timorato, inquieto, cobarde, pusilánime; cerrote, jindama*. Ряд наиболее неожиданных ассоциаций выделен нами в тексте.

Наконец, в русском языке «страх» — 1. Очень сильный испуг, высшая боязнь: *Держать в страхе* (в полном повиновении и постоянной боязни) 2. *мн.* События, предметы, вызывающие чувство боязни ужаса. *Рассказать о своих страхах*; а «ужас» — 1. Чувство сильного страха, доходящее до подавленности, оцепенения 2. *мн.* Явление, положение, вызывающее такое чувство: *Ужасы войны*. 3. Крайнее изумление, негодование, расстройство, вызванное чем-нибудь: *К ужасу слушателей* 4. Трагичность, безвыходность *Почувствовать весь ужас своего положения*.

Специфическими русскими компонентами концептов являются: а) для «страха» — «очень, в высшей степени, очень много»: *Устали страх!*; б) для «ужаса» — «нечто изумляющее, необычайное по своим положительным (!) или отрицательным свойствам, а также о большом количестве кого-либо или чего-либо»: *Тоска — ужас! Смеялись мы — ужас!*

НЕНАВИСТЬ

«Ненависть» оказалась наиболее универсальным концептом для всех трех исследуемых языков. Определения «ненависти» вполне сводимы к тому, что это «чувство сильной вражды, злобы» (Ожегов, Шведова), «*odio*» — *aversión y antipatía hacia una persona o cosa cuyo mal se desea*. (отвращение и антипатия к человеку или предмету, которому желаешь зла) (Aristos); «*odio*» — *aversión hacia una persona o una cosa*. — *ненависть* — *отвращение к человеку или предмету* (Larousse); «*hatred*» — *extreme dislike* (крайняя неприязнь) (Hornby).

ГРУСТЬ, ПЕЧАЛЬ

Словарь Ожегова и Шведовой несколько анекдотично определяет «печаль» как «чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи», а «грусть» как «чувство печали, уныния», свидетельствуя, по сути, о синонимичности этих концептов в русском языковом сознании. Английские аналоги определены подобным же образом у Хорнби: «**grief**» — «**deep or violent sorrow**» и «**something that causes grief**»; «**sorrow**» — «(cause of) **grief** or sadness; regret».

Лапидарные в определениях «печали» словари Аристоса и Ларусса (у них «печаль» — «свойство печального») довольно подробно описывают концепт «печальный». Наиболее любопытным являются такие семемы как «**doloroso, enojoso, irritante**» (болезненный, вспыльчивый, гневливый) и «**insignificante, insuficiente, ineficaz**» (незначительный, несущественный, неэффективный), что является, несомненно, специфической испанской чертой концепта.

СТЫД

Ядро концепта полностью исчерпывают семемы русского языка: «чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины» и «позор, бесчестье». Испанское сознание подробно детализирует «стыд» — это и «смятение души, причиненное из-за полученной обиды, совершенной ошибки, из боязни позора, страха показаться смешным», и «робость, боязнь, несмелость», и «чувство собственного достоинства», и «бесстыдный поступок, исполнение которого вызывает отвращение». Второй важной семемой является «наказание, состоявшее в выставлении преступника на общественный позор». Также нами зафиксировано употребление слова «стыд» во множественном числе «**vergüenzas**» в значении «срамные части тела», в русском языке в такой ситуации используется лексема «срам»: *Срам-то прикрой!*

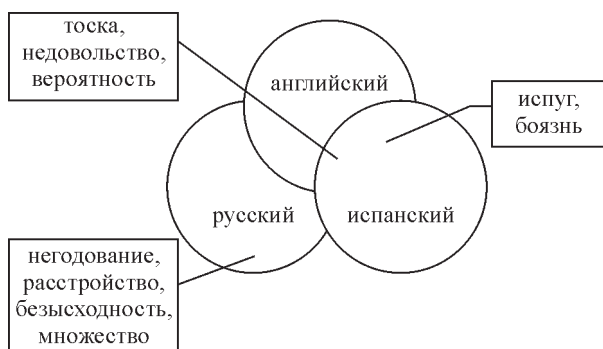

Рис. 5.

В английском языке в концепте «стыд» делается особый акцент на семах «бесчестье», «неправильный» и «потеря самоуважения», так, «стыд» — «**sad feeling, loss of self-respect, caused by wrong, dishonourable or foolish behaviour, failure, etc (of oneself, one's family, etc)**» (грустное чувство, потеря самоуважения, по причине неправильного бесчестного или глупого поведения, неудачи и т.д. (себя самого, своей семьи и т.п.); «способность испытывать стыд»; «бесчестье», а также что-то пустое, причиняющее стыд, нечто неправильное: *It's shame to take money for doing such easy work* — Стыдно брать деньги за такую легкую работу.

СТРАСТЬ

Этимология слова «страсть» в древнерусском и старославянском языках означает «страдание», «бедствие», «болезнь», «несчастье» (Черных; 1986: 206—207). Омоним страсти — «страх», а «страсти» — то, что вызывает чувство страха, ужаса (Черных; 1986: 206). Страсть (то πάθος) по-гречески — 1) страдания, несчастья, 2) болезнь и только на 3) — влечение, страсть. Лексема «страсть» означает сильную любовь, сильное чувственное влечение; «сильно выраженное чувство, воодушевленность» и «крайнюю увлеченность, пристрастие к чему-либо». Этимология «страсти» сохранила семему «страх, ужас»: *До страсти перепугался*; отсюда же и употребление «страсти» в значении множества: *Влюблен — страсть! Народу на улицах — страсть!*

Отражая испанское языковое сознание, словарь Аристоса описывает «страсть» как «**acción de padecer**» (акт страдания); если с большой буквы — «**tormentos**» (Страсти); «**lo contrario a la acción**» (противоположность действию); «**estado pasivo en el sujeto**» (пассивное состояние субъекта); «**inclinación o preferencia muy vivas de una persona a otra**» (склонность или предпочтение одного человека к

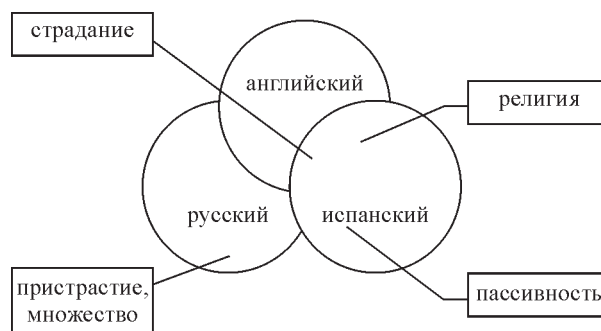

Рис. 6.

другому, выражаемые в открытой форме); «*apetito o aflicción vehemente a una cosa*» (**пылкое желание** или огорчение от чего-либо).

Словарь Ларусса во всех отношениях более идеологизированный, более католический, определяет «страсть» так: «серия мучений», «рассказ о страстях Христовых в Евангелиях», «проповедь по этому поводу», «сильное душевное волнение», «страстное желание», «объект желаяния» и опять же «противоположность действию».

Несомненно, выделенные нами в испанских словарях толкования лексемы «страсть» не совсем соотносятся с обыденным ее пониманием в русском языковом сознании, «страсть» выступает здесь как синоним «бездействия». Соответствующим образом, интерпретационное поле концепта с неизбежностью отражается и в речеповеденческих фреймах носителей языка, что и составляет основу для разницы концептосферы, менталитета, национального языкового сознания.

Английская интерпретация «страсти» состоит в том, что это — «сильное чувство восторга, особенно любви, ненависти или злобы» или же «вспышка сильного чувства: *be in a passion about the news*» = пристраститься к новостям. Здесь же дается и трактовка страсти как Страстей Господних.

ЗАВИСТЬ

Как и «ненависть», «зависть» универсальна. В русском языке — это «чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого»: *черная зависть* (глубокая и злобная); в английском — «чувство ревнивой обиды к чьей-то лучшей судьбе». Одна из испанских семем полностью совпадает с другими языками: «неудовольствие от чужого блага». Однако есть и еще одна чисто испанская семема: «соревнование, состязательность, честное желание» (*emulación, deseo honesto*). В известной степени, ничего необычного в этом нет, если вспомнить многими критикуемое с этической точки зрения, но существующее в русском языке понятие «белая зависть».

РЕВНОСТЬ

«Мучительное сомнение в чьей-то верности, любви» — основная, пожалуй, семема этой лексемы русского языка. Можно привести в пример и устаревшее значение: «усердие, ревность». Такие же значения, но в обратной последовательности, приводит словарь Ларусса.

Словарь Аристоса фиксирует еще три дополнительные семемы: «внутренний порыв, толкающий на добрые дела» (*impulso íntimo que promue-*

ve buenas cosas), «**крайняя любовь во славу Божию**, во благо спасения душ и, шире, во благо всех и вся» (*amor extremado a la gloria de Dios, al bien de las almas, y, por extensión, al bien de otras cosas o personas*), «инстинкт, объединяющий животных для воспитания своих детенышей» (*instinto que une a los animales a criar a sus hijos*). Здесь очевидна попытка, религиозная в своей основе, и потому странная для Аристоса, не опускать высокое понятие «любви» к Богу и ближнему до уровня животных.

В английском языке заметны свои специфические особенности. «Ревность» здесь — это «чувство или проявление страха из-за возможной или уже осуществленной потери права на любовь», «чувство или проявление несчастья из-за чьей-то лучшей доли», «пристальное внимание, уход». Вторая семема объединяет «ревность» с «завистью», и не имеет соответствий в русском и испанском языках, третья вполне может быть сведена к «усердию».

Итак, можно утверждать, что в целом концептосфера эмоций или эмоциосфера трех различных европейских народов довольно близка по содержанию. Ядро всех комплексных концептов легко вычленяется и обнаруживается. Почти всегда первая указываемая семема совпадает в русском, английском и испанском вариантах, исключения: страсть, зависть.

Национально-специфические элементы могут группироваться. Причем подобие компонентов наиболее частотно при сопоставлении русского и испанского языков, меньше сходства обнаруживают английское и испанское языковые сознания. Сопоставление эмотивов в русском и английском языках фиксирует единичные случаи тождества периферийных компонентов.

Анализ строго национальной периферии выявляет языковую «ревность» к плану личности и ее прав в английском языке, аффектацию и религиозность в испанском, внутреннему миру и гиперболизации в русском. Английские семемы точнее и, как бы «технологичнее», русских и испанских, коннотаты в них присутствуют в незначительной степени. В русской языковой картине, менее чем в западноевропейской, разработаны и вербализованы концепты «страсти» и «стыда», в английской — «наслаждения» и «восторга», в испанской «отчаяния» и «скуки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., АЗЪ, 1994 — 928 с.

2. Сальнова А.В. Греческо-русский и русско-греческий словарь. — М.: Рус. яз., — 2000. — 592 с.

3. Хорнби А.С. Учебный словарь современного английского языка: спец. Ид. Для СССР / А. С. Хорнби при участии К. Руз. — М.: Просвещение, 1984. — XII, — 769 с.

4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка в 2-х томах. — М., 1986.

5. ARISTOS. Diccionario ilustrado de la lengua española. — La Habana: Editorial Científico-Técnica, 1980. — 676 p.

6. LAROUSSE básico escolar — La Habana: Editorial Científico-Técnica, 1981. — 868 p.